В.И. ИГНАТЬЕВ

СОЦИАЛЬНЫЕ ЛОКАЛЬНОСТИ В ЭПОХУ ИНФОРМАЦИОННО-СЕТЕВОЙ ГЛОКАЛИЗАЦИИ

ИГНАТЬЕВ Владимир Игоревич – доктор философских наук, профессор кафедры социологии и массовых коммуникаций Новосибирского государственного технического университета, Новосибирск, Россия (ighnatiev.v@inbox.ru).

Аннотация. Анализируется изменение в механизме воспроизводства глобального социального пространства. Автор утверждает, что информационно-культурный вид локализации социального пространства приводит к появлению и усилению новой – информационно-глокальной – формы консолидации местных сообществ. В центре внимания – связь между кризисом глобального сетевого общества и ростом локальных сетей. Современная глокализация интерпретируется как форма соединения двух противоречивых сетевых пространств: территориально-локального и информационно-сетевого. Автор полагает, что структуру современного глобального информационного общества образует сеть «информационно-центростремительно ориентированных» локальных социокультурных комплексов. Фундаментальное положение теории М. Кастельса: современное общество – это сетевое общество, объединение локальных обществ с помощью сетевых глобальных потоков электронных импульсов, – автор дополняет выводом о приходе на смену локальным обществам не единого глобального сообщества, а множества автономных сетевых социумов, возникших в «узлах» мировой коммуникации. Такие «узлы» становятся новой формой глокализации – соединением локального и глобального на основе локализации информационных потоков. В результате локализация не исчезает, а преобразуется, воспроизводя себя как новую глокальную форму мироцелостности. Описание этого процесса автор предлагает дополнить концептуальной моделью алгоритма «матрицы трех оснований», отражающей современную логику формирования противоречия целостности мировой социальной системы.

Ключевые слова: глобальное информационное общество • основания воспроизводства локального • глокализация • целостность глобального социального пространства • информационные узлы глокализации • «матрица трех оснований»

DOI: 10.31857/S013216250010024-9

Введение. В уходящем десятилетии в отечественных обществоведческих публикациях снизился интерес к проблемам глобализации, пик внимания к которым пришелся на 1990–2000-е гг. К изданиям по этой тематике, вышедшим в последние годы и заслуживающим внимания, можно отнести монографии: [Гобозов, 2019; Чумаков, 2017; 2018; Мусаев-Лян, 2016]. Редкими стали статьи по данной тематике в журнале «Социологические исследования» [Глухова, 2016; Яницкий, 2019а; 2019б]. Эпизодически в последнее время обращается к проблемам глобализации журнал «Вопросы философии»: несколько рецензий [Лившиц, Готного, 2017; Розенберг, 2018], а также глубокая по выводам статья К.С. Гаджиева [Гаджиев, 2018]. Не осталась без внимания тема мультикультурализма, имеющая прямое отношение к проблемам возможности выживания локальных форм социального [Арутюнян, 2018; Бараш, 2019]. Вероятно, теоретическая мысль несколько «успокоилась» и исследователи в основном договорились о формулировке главного вывода: воспроизводство целостности мировой социальной системы идет как противоречивый процесс совмещения глобализации и локализации. Так и не получены ответы на ряд вопросов: 1) насколько устойчива тенденция перехода от глобализации к глокализации и усилению социальных локальностей; 2) каковы перспективы дальнейшего существования социальной жизни в форме территориально-локальных сообществ как отдельных социальных

организмов, и насколько велик у них потенциал сопротивления разрушению под давлением процессов глобализации, которая сама находится в кризисе.

Впрочем, о незавершенности обсуждения ключевых вопросов о природе и последствиях взаимовлияния универсального (глобального) и особенного (локального) свидетельствуют, например, публикации в журнале «Общественные науки и современность». Из наиболее интересных текстов, появившихся за последнее время, выделяю статьи Я.Г. Шемякина [2017; 2018]. С позиции теоретико-социологического и историко-культурологического подходов автор проводит анализ становления «глобального» и его различие с «универсальным». Различение построено на сопоставлении обозначающих эти явления понятий как одинаковых по объему, но несколько не тождественных по содержанию [Шемякин, 2017: 161]. Авторский подход позволил убедительно продолжить проверку выдвинутой Шемякиным гипотезы, «согласно которой как единство, так и многообразие суть самостоятельные, качественно отличные друг от друга активные начала человеческого существования» [Шемякин, 2018: 144, 145]. Эта методологическая позиция пересекается с необходимостью актуализации внимания к изучению динамики исторических форм социальных локальностей как некоей константы способа воспроизводства и вообще сохранения социальной формы жизни на земном пространстве. Вспышки биологических и социальных пандемий, в значительной мере провоцируемые информационно-коммуникативным резонансом в массмедиа и в потоках мобильностей, заставляют сообщества искать спасения в «ближних обществах» – в социальных локальностях. Вновь извлекаются как спасительный инструмент лозунги единения своей нации со своим государством и правящим классом, закрытия границ и порочности проекта единой Европы и глобального Мира. В этой связи настоятельно необходимо вернуться к обсуждению вопросов незавершенной дискуссии о судьбе локальных форм социальной жизни – в новых исторических обстоятельствах. Некоторым аспектам выявления на уровне общесоциологической теории причин, особенностей разложения глобальных структур и возрастания тенденции к новому циклу усиления социальных локальностей и глокализации посвящена настоящая статья.

Локальности и глокализация. Одним из основных выводов глобалистики, ставшим чем-то аксиоматическим, была констатация: функционирующая в глобальном масштабе экономика подорвала основы национальных экономик и национальных государств [Бек, 2001: 40]. Действительно, национальное государство – образование территориальное, его власть основана на связи с определенной местностью. Мировое сообщество, которое образовалось в процессе глобализации, в значительной степени подорвало могущество национальных государств. Оно пронизывает границы множеством разнообразных, не связанных с определенной территорией форм социальных зависимостей, рыночных отношений, сеть коммуникаций, несхожими нравами и обычаями населения. Из национально-государственных рамок окончательно вышли транснациональные корпорации. Они больше не лояльны институтам национальных государств. В результате упал уровень внутренней социальной интеграции отдельных обществ. К.С. Гаджиев отмечает: «Как показывает опыт последних десятилетий, глобализация и информационные технологии способствуют, с одной стороны, интенсификации межкультурных взаимодействий, с другой стороны, ее оборотной стороной стали дальнейшая фрагментация и деконструкция современного мира. Об этом свидетельствуют тенденции и процессы распада многонациональных государств и образования множества новых национальных государств» [Гаджиев, 2017: 78]. И в этот процесс попали, прежде всего, относительно благополучные «социальные государства», входящие в Европейский союз, что вызвало взрыв активности их населения по сохранению, возрождению и созданию новых традиционных форм самоуправления, многообразия локальных субкультур и защите как европейской, так национально-территориальной идентичности. Сегодня, пожалуй, как никогда ранее, проблематично утверждать вообще о перспективе возникновения всемирного единого государства. Скорее, по мнению экспертов, формируется система мирового общества без

всемирного государства и всемирного правительства [Бек, 2001: 29]. Но означает ли это все же сохранение перспективы окончательного исчезновения локальностей и замену их некими синтетическими формами социального устройства, имеющими внешнее и принудительное происхождение?

На мой взгляд, именно этот вопрос сегодня является одним из самых животрепещущих для людей, жизненный мир, повседневности которых связаны органично (генетически и процессом всего жизненного опыта) с их «местом», «их домом», «общим домом» их культурного, этнического и территориально-локального сообщества. Сохранение локального социального (да и физического) пространства как «своего дома» является для человека одной из фундаментальных экзистенциальных потребностей и ценностей. Поэтому покушение на это «свое» локальное пространство переживается людьми так болезненно и более критично, чем ограничение возможности стать «гражданином мира» или беспрепятственно пользоваться мобильностью. Современное население Земли вовсе массово не превращается в «номадов», несмотря на резко возросшую мобильность в физическом пространстве и интенсивно идущий процесс смены идентичностей. Полагаю, Дж. Урри и З. Бауман несколько преувеличивали значимость «мобильностей» и их последствий для трансформации современного социального мира [Урри, 2012; Бауман, 2002; 2008]. Напротив, подавляющее большинство людей живет оседло в своих территориальных/социальных «локациях». Как пишет М. Кастельс, «социальная структура является глобальной, но большая часть человеческого опыта локальна как в территориальном, так и в культурном смысле» [Кастельс, 2016: 43]. Но процесс глубокого кризиса этих пространств действительно противоречив и имеет непредсказуемую перспективу. Полагаю, есть глубинные механизмы сохранения локализации социальных форм коллективной жизни людей, даже если они образуют многочисленные и растущие гетерогенные комплексы сообществ, социальные «гетеротопии» как своеобразные «сложные отдельные социальные организмы», традиционно именуемые странами или отдельными обществами, социальными локациями. В информационную эпоху «специфические общества, определяемые наличными границами национальных государств или культурными границами исторических идентичностей их граждан, глубоко фрагментированы двойственной логикой включения и исключения из глобальных сетей, которые структурируют производство, потребление, коммуникацию и власть» [там же]. Успешное прогнозирование судьбы дискретного способа существования «социального» как множества целостных локальных, разномасштабных и относительно самодостаточных социальных ассоциаций в земном пространстве будет связано, на мой взгляд, с дальнейшим развитием социальной теории глокализации.

Прежде всего, следует обратить внимание на то, что отдельные общества проявили высокую степень устойчивости и сопротивления агрессивным диффузиям глобальных институтов. Это связано с особенностями социума как системного образования. Внутреннее пространство отдельных обществ дифференцировано на подсистемы, бытие которых представлено разнообразными реально сосуществующими сообществами индивидов, «коллективными идентичностями» (территориальными, этническими, религиозными, профессиональными, политическими, культурными и прочими ассоциациями). Пространство отдельных обществ – это пространство, заполненное множеством «обществ» как субкультурных миров, связанных между собою исторически сложившимися специализацией деятельности и кооперацией. Их реальное единство возможно только как единство разнообразия. Поддержание внутреннего потенциала развития и вообще существования таких гетерогенных социальных образований обеспечивается поддержкой воспроизводства внутреннего разнообразия и углубления специализации. Они структурированы и организованы как отдельные социальные миры, каждый со своим хозяйством, политикой, правом, нравственными нормами, ритуалами, обычаями, традициями, формами семейных и соседских отношений – всем тем, что формирует их субкультуры и, главное, делает множества совместно живущих людей «обществом». Вследствие этого деятельность каждого индивида, принадлежащего к определенной субкультуре, выстраивается по ее

собственной «логике» («коду»). Одновременно эти субкультурные общности представляют собой интегрированное сообщество «разнообразных» локальных социальных миров, и эта интеграция есть исторический продукт их собственной «органичной» активности, устремленной вовне и направленный на защиту их целостности. Внутреннюю трансформацию отдельных обществ диктует, прежде всего (прямо или косвенно), логика динамики их культурного многообразия. Это означает, что мир в культурном отношении не становится более однородным. Глобализация, скорее, действительно означает «глокализацию», т.е. противоречивый процесс, как по содержанию, так и по многообразию его последствий. И, главное, жизнь людей в локальных обществах не сводится к жизни, предписанной национальными и транснациональными корпорациями или национальными и транснациональными бюрократиями. Она гораздо богаче по содержанию, так же как неизмеримо богаче структуры повседневности (хозяйственно-бытовые, семейные) и исторически традиционные формы самоорганизации и самоуправления живущих на этой территории людей.

Противостояние локального и глобального. В своих работах 1970–1980-х гг. И. Валлерстайн заменил образ изолированных друг от друга отдельных обществ противоположным образом единой мировой системы. Эта единая мировая система складывается вместе с развитием капитализма [Валлерстайн, 2001]. Открытый и изученный в 1990-х гг. М. Кастельсом «информациональный способ развития» позволил вскрыть диалектику глобальной системы «мест и потоков» как нового этапа единства глобального и локального [Кастельс, 2000; 2004]. Наступила эпоха глобальной «власти коммуникаций» [Кастельс, 2016]. Возникает полицентрическая мировая политика. Она – результат соединения информационных обществ и устранения расстояний, границ, а также умножения транснациональных учреждений и организаций. Вследствие этого появляются: параллельно действующие транснациональные организации и новые объединения неправительственных организаций; транснациональные проблемы; волнения в разных странах как реакция на информацию через спутниковые телекоммуникации и Интернет; транснациональные «общества», основанные на религии, родстве, политической ориентации; кооперативные транснациональные структуры.

Проявилась важная особенность этого процесса: глобализация остается связанной с локализацией. Более того, происходит новое усиление роли последней. Это выражается в том, что производить «глобально» в буквальном смысле не может никто. А фирмы, что производят и продают свою продукцию в глобальных масштабах, вынуждены развивать локальные связи, во-первых, производя и совершенствуя свой товар в конкретных локальных условиях, и, во-вторых, изымая «сырье» для своих «глобальных символов» из локальных культур, благодаря чему эти символы получаются живыми, яркими и хорошо продаваемыми. «Глобально» означает быть «во многих местах одновременно», т.е. транслокально. Поэтому концерны действуют по стратегии глобальной локализации. А «глобализация» корпораций означает их стремление стать частью той или иной культуры. Ведь полная унифицированность корпорации означала бы конец рынка и прибылей. В условиях же кризиса сбыта мировой капитализм особенно нуждается в локализации. Более того, глобализация повсюду приводит к появлению новых форм локального. Возникают транснациональные, транслокальные культуры. По мнению Э. Гидденса, «глобализация – это причина возрождения местных культурных идентичностей в различных частях мира... Местный национализм возникает как реакция на глобализационные тенденции, поскольку власть этнических государств со значительным историческим прошлым ослабляется» [Giddens, 2002: 13]. На мой взгляд, происходит следующее: социокультурная и историческая идентичность ассоциаций отдельных локальных обществ (как их «особенное») не преодолевается – она сохраняется. Но сохраняется как их уже «вторичное особенное», особенное как производное от состоявшегося взаимодействия с другим – доминирующим – «особенным», глобализацией как процессом.

В информационном обществе определяющим ресурсом являются знание и информация, обмен ими – основой социального порядка [Кастельс, 2000]. Этот новый социальный порядок системы отдельных социальных организмов и фиксируется понятием «глокализация». Глобализация не привела к большей гомогенности ни мировой социальной системы, ни отдельных обществ. Вместо этого можно наблюдать новые линии социально-экономического и культурного размежевания. Геополитическая глобализация не породила большей однородности или отмены локальных политических интересов. Напротив, размежевания социокультурного характера усилились. На мой взгляд, происходит интенсивное перестраивание интегративного (системного) основания целостности мировой социальной системы, поскольку универсальный («информациональный» капитализм) по-новому получает поддержку на уровне отдельных обществ. При этом перестраиваются и мировая система, и специфические черты отдельных обществ. Эти внутренние трансформации (не ведущие к их ликвидации как отдельных социальных образований) на основе их относительно автономных социокультурных, политических и хозяйственных комплексов (как субстанциальном основании) продолжают уже по-новому воспроизводить мировую систему. По своему качеству она не может еще не быть капиталистической, но не может не меняться.

Основой глобализации стали интенсивные информационные процессы, возникло информационное гиперпространство. Оно явилось одним из основных факторов нарастания ряда опасностей: усиления однородности социальной системы; виртуализации и связанной с ней анонии общества; поляризации и неравенства, получивших массовое распространение; формирования космополитической мировой элиты и транснациональных производителей цифровых технологий, противостояния им основной массы населения. Интеграция и раздробленность, глобализация и территориальная культурная локализация – разнонаправленные, но дополняющие друг друга процессы. Их результатом становится «глокализация» как неразрывное единство тенденций к глобализации и локализации. И что в итоге?

Логика «матрицы трех оснований». Можно предположить, что мы имеем дело с действием «механизма» реструктурирования мироцелостности, который носит волнообразно-поступательный характер. На мой взгляд, его профиль – синусоида, на вершинах которой образуются глобальные и региональные союзы и империи, а в нижней фазе – их распад; затем – снова «сборка» – уже на качественном новом основании. Медиана синусоиды и есть глокальная структура. Полагаю, специфика этой медиальной области в современную эпоху состоит в том, что ее основа это не территориальное (физическое) пространство, а глобальное информационно-коммуникационное, причиной и следствием появления которого стало новое основание, названное М. Кастельсом «информациональный способ развития» [там же: 36–42].

В начале XXI в. мир вступил в пересборку большинства сложных социальных образований – межстрановых союзов, унитарных и федеративных социумов. Экономические, политические и культурные процессы реструктурируются в направлении образования новых «узлов», получая мощный толчок (ресурс пересборки) в виде глобальных электронных импульсов, что позволяет преодолевать как любое физическое пространство, так и традиционные социальные структуры – комплексы локальных, региональных институтов и цивилизационных норм. Какие же глубинные процессы и механизмы продолжают лежать в основе воспроизводства человечества как системы, а не множества изолированных отдельных обществ? На мой взгляд, основанием воспроизводства целостности гетерогенного и противоречивого мирового сообщества является непрерывное воспроизводство самой «множественности» отдельных обществ, которые периодически образуют саморазвивающиеся и относительно самодостаточные региональные системы. Эта «константа», как некое субстанциальное основание, может быть описана с помощью моделей этих региональных систем, которые, в свою очередь, фиксируются через ряд признаков: а) самодостаточность отдельного общества; б) тип его взаимоотношения с внешней средой; в) характер внутрирегиональной структуры; г) особенность внутреннего

взаимодействия организационных структур отдельного общества как органичного целого, что ведет к появлению и закреплению специфики каждого общества и их совокупности как региональных типов.

Механизм «встраивания» глобальной связи в связь локальную выступает как процесс возникновения нового типа отдельного общества в результате интеграционного процесса в форме его особой разновидности, при котором участниками взаимодействия являются рядом сосуществующие социумы. Таким образом, глобальная связь проявляет себя в генезисе нового типа общества. Второе – интегративное – основание целостности мирового сообщества – это процесс, ведущий к образованию новых социальных форм как продуктов интеграции: 1) империй (как способ временного объединения), которые появляются в процессе экспансии одного общества или насильственной интеграции их множества; 2) новых отдельных обществ, возникающих в результате интеграции; 3) симбиоза отдельных обществ, относящихся к разным этапам развития цивилизации, как контактирующих отдельных социумов и как разных цивилизаций, объединенных империями; 4) колонизации, обеспечившей синтез и симбиоз посредством переселения представителей цивилизации-донора. Интеграция выступает и как механизм порождения: 1) нового отдельного общества (возникновение империй и их распад); 2) нового способа производства/развития; 3) новой цивилизации. Кроме внешних интеграционных процессов, ведущих к качественным изменениям во всемирной истории, происходит внутренняя интеграция – цивилизационные компоненты в процессе развития (или разрушения) порождают новые черты отдельного общества.

«Чистые» варианты саморазвития (самодостаточности) в истории редки. Поэтому нельзя объяснить происхождение, развитие и гибель отдельного общества, появление его специфического типа (генотипа), а также деформацию этого генотипа без учета фактора интеграции. Интеграция пронизывает его развитие, сама становясь основанием саморазвития (непосредственного и опосредованного), однако является основанием столь же значимым, как и субстанциальное основание. И уже как внутренний, хотя и опосредованный, самостоятельный фактор саморазвития, интеграция становится особым основанием целостности всемирно-исторического процесса, но не только как процесса, а преимущественно как его промежуточного итога: возникновения особого – интегративного – качества. Тем самым целостность мирового сообщества формируют новые отдельные общества, их новые генотипы, факторы их появления и гибели.

На мой взгляд, обращение к истории и современным фактам развития и гибели локальных обществ и их региональных систем дает основание для выявления различных форм/путей социально-исторической диалектики: а) кризисно-катастрофического и б) кризисно-эволюционного путей развития отдельного общества как двух способов трансляции цивилизационных и культурных структур во времени. Это – первый, внутренний механизм реализации генетического основания целостности глобального процесса. Вторым механизмом действия этого основания является процесс ассимиляции структур среды, в которой развивается каждый социум. Если он не смог создать собственного механизма, а также цивилизационных структур и культурных образцов технологий ассимиляции структур среды (в форме синтеза или симбиоза), не разработал в виде механизма и традиций свой специфический механизм выхода из кризисных ситуаций, то, как правило, погибал в результате ассимиляции другими социумами.

Особым механизмом действия генетического основания целостности глобальной социальной системы является смена типа интегративного основания – переход к иному способу интегрирования новых элементов цивилизации и культуры и иному способу интегрирования элементов внешней среды. В этом случае отдельное общество по-новому начинает ассимилировать внешнее воздействие, меняя тип взаимоотношения со своим окружением. Так перед нами предстает своеобразная «матрица» трех оснований целостности глобального социума. Периодическая сменяемость оснований, меняющих конфигурацию структуры целостности системы, придает им характер матриц и делает подобными

некоему «алгоритму» исторического процесса. Но это только подобие, поскольку, как все социальные процессы, эта сменяемость носит не строго детерминированный, но вероятностный характер.

Основания процесса – субстанциальное, интегративное и генетическое – опосредуют друг друга, находясь в сложной нелинейной зависимости, каждое полагая другое. На разных этапах развития отдельного общества на первый план выступает одно из оснований, вызывая изменения в механизме функционирования других. Так, интеграция может менять природу отдельного общества вплоть до его исчезновения или изменения пространственных границ. Это, в свою очередь, может стимулировать активность генетического основания, вызывая потребность в ускоренных реформах или даже революциях. Последние же могут открыть дорогу формирования таких типов отдельных обществ, которые изменят и интеграцию и породят новые их системы, создав целый ряд новых глобальных проблем. Новое системное качество может служить «угнетателем» внутренней активности участников глобального взаимодействия, влиять на их генетическое основание целостности, вынуждая трансформировать культуру до общемировой и ускоренно приближаться к общецивилизационным стандартам в технологиях, политической системе, системе ценностей и т.д. Но все эти процессы могут вызвать ответную реакцию субъектов внутреннего развития. Тогда вновь проявится субстанциальное основание целостности, в результате чего наметится тенденция к обособлению, подчеркиванию специфики, что в ряде случаев может привести к агрессивному национализму, автаркии. Но затем усилится дискретность социального процесса, его субстанциальные основания – локальные социумы – выйдут на новую траекторию своего развития.

Выявление «матрицы трех оснований» позволяет сделать заключение о системно-генетическом характере возникновения и трансформации исторически целостных форм социума как глобального сообщества. Трансформация такого типа происходит, на мой взгляд, в крупномасштабных социальных образованиях – локальных обществах и их региональных системах. Может быть предложена следующая характеристика механизма этого процесса. Воспроизводство важнейших сторон социальной жизни в масштабе мировой целостности возможно, если: 1) она воспроизводится во множестве отдельных обществ, устойчиво развивающих локальную специфику – локальные генотипы; 2) отдельные общества и их специфика («первичное, локальное особенное») воспроизводятся путем включения в интеграционную сеть взаимодействий локальных социумов и сами порождают трансформированные структуры – региональные генотипы («вторичное, региональное особенное»); 3) в структурах «вторичного особенного» закрепляются и устойчиво воспроизводятся локальный и региональный цивилизационные генотипы.

Заключение. Особенность современного этапа общественного развития в значительной степени определяется интенсивным перестраиванием интегративного основания целостности мировой социальной системы, поскольку универсальное, «общее» (капитализм) по-новому получает поддержку на локальном уровне. При этом перестраиваются и мировая система, и специфика («особенное») отдельных обществ. Их внутренние трансформации, не ведущие к ликвидации отдельных социальных организмов, на своей основе (как субстанциональном основании) продолжают уже по-новому воспроизводить мировую систему.

Однако в современную эпоху главным катализатором трансформации становится глобальная информационно-коммуникационная сеть Интернет [Кастельс, 2004]. Вероятно, возникло одно из новых оснований целостности всемирно-исторического процесса, представленное в своей первичной форме как «сетевое предприятие», или локальная ассоциация, интегрированная в электронную сеть других локальных ассоциаций (интернет-сообществ) с помощью цифровых технологий. Все они характеризуются появлением у них нового «интегративного качества», что обусловило становление и нового генетического основания целостности – «сети». Это основание базируется на интернационализированных с помощью сетевых взаимодействий локальных сетях, укорененных в локальных (особенных) культурах. Так возникает «вторичное особенное» – сеть

информационно-центростремительно ориентированных локальных социокультурных комплексов, однако теперь локальных не в физическом (территориально-географическом), а в собственно социальном – информационно-коммуникативном – пространстве. Полагаю, есть основание сформулировать следующие утверждения концептуального характера, которые могут помочь объяснить принципиальную новизну ситуации с трансформацией современного социального пространства в целом. На мой взгляд, социальные «локусы» (отдельные социумы) информационной цивилизации относительно физического пространства рассредоточены и «кочуют», а в координатах социального пространства они вполне устойчивы и организованы именно как целостные социальные образования. Сама же сетевая социальная организация состоит из фрагментов локальных социальных организмов. Сеть и локальные социумы дополняют друг друга как элементы системы, при этом отрицая друг друга как части разных и разнородных (пока еще) отдельных социальных организмов. Это диалектическое единство «мест и потоков» (Кастельс) порождает и новый тип мировой системы, и то, что называют «глокализацией», и саму информационную цивилизацию.

Множество локальных социальных организмов не может не порождать множества сетей. Так рождается новое множество отдельных социальных образований как сетевых социумов. И так же все три основания целостности глобальной системы в эпоху «информационализма» дают эффект «рождения в системе систем» нового социального качества. Можно предположить, что «информациональный способ развития», открытый и изученный М. Кастельсом, становится основанием всех появившихся социальных организационных форм как сетевых и задает новую основу социального порядка как альтернативу локальным территориальным формам социальности. Тем самым социальный мир формируется как множество сетевых социальных образований, которые являются новой исторической формой «отдельного социального организма». На смену локальным обществам, «национальным государствам», «обществам – государствам – нациям» приходит не единое (единственное) глобальное общество, а множество сетевых социумов, образующих новую конфигурацию целостной мировой социальной системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнян К.С. Мультикультурализм как социокультурный феномен полиэтнического общества // Вопросы философии. 2018. № 8. С. 26–33.
- Бараш Р.Э. Идентичность и мультикультурализм. В поисках базовых категорий анализа // Вопросы философии. 2019. № 1. С. 31–34.
- Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь Мир, 2004.
- Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.
- Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008.
- Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М.: Прогресс-традиция, 2001.
- Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001.
- Гаджиев К.С. Новая «Великая трансформация»? // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 75–86.
- Глухова А.В. Суверенитет versus конкурентоспособность: трудный выбор государства // Социологические исследования. 2016. № 2. С. 83–92.
- Гобзов И.А. Государство и национальная идентичность: Глобализация или интернационализация? М.: ЛЕНАНД (УРСС), 2019.
- Кастельс М. Власть коммуникации: учеб. пособие / Пер. с англ. Н.М. Тылевич; под науч. ред. А.И. Черных; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.
- Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитонова. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004.
- Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2000.
- Лившиц Р.Л., Готного А.В. Рец. на кн.: Л.А. Мусаелян. Исторический процесс и глобализация. 2017. № 9. С. 211–213.
- Мусаелян Л.А. Исторический процесс и глобализация. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2016.

- Розенберг Г.С. Рец. на кн.: А.Н. Чумаков. Глобальный мир: столкновение интересов // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 215–219.
- Урри Дж. Мобильности. М.: Праксис, 2012.
- Чумаков А.Н. Глобальный мир: столкновение интересов. М.: Проспект, 2018.
- Чумаков А.Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст. Моногр. 2-е изд. М.: Проспект, 2017.
- Шемякин Я.Г. О пределах процесса глобализации. Статья 1. Пространственно-временные рамки процесса и основные контуры смыслового поля понятия глобализации // Общественные науки и современность. 2017. № 6. С. 158–172.
- Шемякин Я.Г. О пределах процесса глобализации (к постановке проблемы). Статья 2. Взаимосвязь универсального и локального в глобализирующемся мире // Общественные науки и современность. 2018. № 1. С. 143–157.
- Яницкий О.Н. Вызовы и риски глобализации. Семь тезисов // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 29–39. DOI: 10.31857/S013216250003745-2.
- Яницкий О.Н. Глобализация и гибридизация: к новому социальному порядку // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 8–18. DOI: 10.31857/S013216250006132-8.
- Giddens A. Runaway World. How Globalisation is Reshaping our Lives. London: Profile Books, 2002.

Статья поступила: 23.03.20. Принята к публикации: 05.05.20.

SOCIAL LOCALITY IN THE AGE OF INFORMATION AND NETWORK GLOCALIZATION

IGNATYEV V.I.

Novosibirsk State Technical University, Russia

Vladimir I. IGNATYEV, Dr. Sci. (Philos.), Professor, Department of Sociology and Mass Communications, Novosibirsk State Technical University, Russia (ighnatiev.v@inbox.ru).

Abstract. Author examines changes in the mechanism of the formation of the global world system arguing that special kind of localization of social space – information-culture, resulted in the creation and strengthening of new – information-glokal – are currently shaping consolidation of local communities. A connection between the formation of a global network society and the ever-increasing local networks is argued for. Modern glocalization is interpreted as a form of connection between two conflicting network spaces: territorial-local and information-networks. The structure of the modern global information society, so the author, generates network “centroaspired oriented” local sociocultural complexes. The author believes that modern society is a networked society, as an association of local societies through network global flows of electronic pulses (M. Castells), is in need to be supplemented by the local societies coming not from a single global society, but many autonomous networked societies emerging in “nodes” of the world communication. As a result, localization does not disappear, reproducing a new form of glocality to reinforce world integrity. These nodes have become a new form of glocalization linking local and global localization based on information flows localization. The author proposes to supplement the ontology of this process by conceptual model of the “three-base matrix” algorithm, reflecting the logic of the formation of the integrity of the world social system.

Keywords: global information society, foundation of reproduction of locality, glocalization, social space, founding of the integrity of the global social space, information nodes of glocalization, algorithm “matrix three grounds”.

REFERENCES

- Arutyunyan K.S. (2018) Multiculturalism as a Sociocultural Phenomenon of a Multi-Ethnic Society. *Voprosy filosofii*. No. 8: 26–33. (In Russ.)
- Barash R.E. (2019) Identity and Multiculturalism. Looking for Basic Analysis Categories'. *Voprosy filosofii*. No. 1: 31–34. (In Russ.)
- Bauman Z. (2004) *Globalization: The Human Consequences*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Bauman Z. (2002) *Individualized Society*. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Bauman Z. (2008) *Liquid Modernity*. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Beck U. (2001) *What is Globalization? The Mistakes of Globalism – the Responses to the Globalization*. Moscow: Progress-traditsiya. (In Russ.)
- Castells M. (2016) *Communication Power*. Moscow: Izdat. dom Vyshey shkoly ekonomiki. (In Russ.)

- Castells M. (2004) *Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society*. Ekaterinburg: U-Factoriya (with contributions from izd-vo Gumanitarnogo un-ta). (In Russ.)
- Castells M. (2000) *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Moscow: Izd. dom GU-VShE. (In Russ.)
- Chumakov A.N. (2018) *Global World: A Clash of Interests*. Moscow: PROSPEKT. (In Russ.)
- Chumakov A.N. (2017) *Metaphysics of Globalization. Cultural and Civilizational Context*. Moscow: Prospekt. (In Russ.)
- Gajiyev K.S. (2017) New "The Great Transformation"? *Voprosy filosofii*. No. 7: 75–86. (In Russ.)
- Giddens A. (2002) *Runaway World. How Globalisation is Reshaping our Lives*. London: Profile Books.
- Glukhova A.V. (2016) Sovereignty versus Competitiveness: a Challenge for the State. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 83–92. (In Russ.)
- Gobozov I.A. (2019) *State and National Identity: Globalization or Internationalization?* Moscow: LENAND (URSS). (In Russ.)
- Livshitz R.L., Gotnoga A.V. (2017) Book Review: L.A. Musaelian. 'Historic Process and Globalization'. *Voprosy filosofii*. No. 9: 211–213. (In Russ.)
- Musaelyan L.A. (2016) *Historical Process and Globalization*. Perm': PGIU. (In Russ.)
- Rosenberg G.S. (2018) Book Review: Chumakov A.N. *Global World: Confrontation of Interests*. *Voprosy filosofii*. No. 9: 215–219. (In Russ.)
- Shemyakin Ya. (2017) Spatial-temporal Framework of the Process and the Main Contours of the Semantic Field of the Concept of Globalization. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World]. No. 6: 158–172 (In Russ.)
- Shemyakin Ya.G. (2018) About the Limits of the Process of Globalization (to Propounding of a Problem). Article 2. Interrelations of the Universal and Local Dimensions of History in the Globalizing World. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World]. No. 1: 143–157. (In Russ.)
- Urry J. (2012) *Mobilities*. Moscow: Praksis. (In Russ.)
- Wallerstein I. (2001) *World-Systems Analysis and the Situation in the World Today*. Saint Petersburg: Universitetskaya kniga. (In Russ.)
- Yanitsky O.N. (2019a) Challenges and Risks of Globalization. Seven Theses. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 29–39. DOI: 10.31857/S013216250003745-2. (In Russ.)
- Yanitsky O.N. (2019b) Globalization and Hybridization: towards a New Social Order. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 8–18. DOI: 10.31857/S013216250006132-8. (In Russ.)

Received: 23.03.20. Accepted: 05.05.20.